

ПРОЦЕДУРЫ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЛАСТЕОТНОШЕНИЯ

Работа представлена кафедры философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета.

В статье раскрывается опыт изучения проблематики власти и доминирования в философии Ю. Хабермаса. Феномен власти получает истолкование в контексте осмысления обширного тематического поля человеческой коммуникации. Особое внимание уделяется процедурам достижения общественного консенсуса и преодоления кризиса легитимации.

Ключевые слова: *власть, коммуникация, гражданское общество.*

E. Noskov

PROCEDURES OF COMMUNICATION IN THE SYSTEM OF RELATIONS WITH POWER

The study into the problems of power and domination in the philosophy of J. Habermas is revealed in the paper. The phenomenon of power is interpreted in the context of comprehension of the vast thematic field of human communication. Special attention is given to the procedures of achievement of public consensus and overcoming of the legitimation crisis.

Key words: *power, communication, civil society.*

Содержательная попытка осмысления властно-политических форм общественного развития представлена в работах Ю. Хабермаса. В центре внимания автора находятся проблемы трансформации современного общества в общество «рациональное», становление так называемой «просвещенной публичности», связанной с конструктивным диалогом между властью и гражданским обществом. Специфику человеческого общежития философ усматривает в процессах межличностных отношений, ядром которых выступает система социальных и прежде всего моральных норм. Исходной установкой исследователя является «дуализм» объективной действительности. «Мы различаем две объективные сферы, с одной стороны, вещи и события, с другой – личности и высказывания, которые могут быть подчинены различным модусам опыта (чувственный, коммуникативный), двум различным формам эмпирического языка (физикалистский и интенциональный язык) и двум типам действий (инструментальное и коммуникативное)» [6, S. 212].

Для мыслителя принципиально важно, что процесс труда и процесс общения неотдели-

мы от языка, более того – в языковой сфере «...осуществляется развитие, которое привело к специфически человеческой форме воспроизводства и социальной эволюции» [5, S. 151]. Предпринятая Ю. Хабермасом экстраполяция лингвистических моделей на систему общественных отношений служит обоснованию коммуникативной природы всей целостности социальных связей. Подчеркнем, что данный подход имеет глубокий социальный подтекст, связанный со стремлением ученого эксплицировать относительно безболезненный для современного общества способ терапии. Таким средством в рамках теоретических построений мыслителя выступают социальные институты права и морали, поскольку именно они служат для «...поддержания порядка конфликтной интерсубъективности понимания между субъектами, способными к речи и действию» [Ibid, S. 30].

Современное общество, по мысли Ю. Хабермаса, сглаживает классовые конфронтации: они отступают на задний план, маскируясь за конфликтами иного рода. Кроме того, в постиндустриальном обществе лишённые прав и привилегий социальные группы уже не проти-

востоят друг другу в качестве особых центров противостояния классов: прежние противопоставление «снимается» за счет несомненного экономического прогресса и роста благосостояния. Тем не менее отношения доминирования при этом не исчезают: они продолжают существовать, но в «стертых» формах.

Автор пытается преодолеть «скрытый редукционизм марксовской философии истории». С этой целью философ производит «реконструкцию» основных посылок классического марксизма – идей производительных сил и производственных отношений. По мнению Ю. Хабермаса, данное категориальное отношение должно быть переосмыслено на более высоком уровне абстракции как различие между «инструментальным» и «коммуникативным» действием, между *трудом* и *интеракцией*. Согласно взглядам философа, принципиально важно различать две сферы самовоспроизводства человеческого рода: 1) сферу промышленного производства (в терминологии философа, «инструментальную деятельность», «*труд*»); 2) сферу коммуникации, человеческого взаимодействия («интеракции»).

Человеческая история рассматривается автором сквозь призму обозначенного выше противоречия. Что же подразумевается под этими общими понятиями? «Под „трудом“ или целерациональным действием, – пишет Ю. Хабермас, – я понимаю или инструментальное действие, или рациональный выбор, или комбинацию их обоих». И далее: «под коммуникативным действием – я понимаю символически опосредованную интеракцию» [3, S. 44–45]. Под данным термином философ подразумевает коммуникативные процессы, получившие закрепление в символах, языке, культурных традициях. Любое действие, совершаемое в институциональной сфере, основывается на коммуникативном взаимодействии, которое по своей природе является диалогичным. В противовес этому труд оказывается монологичным даже в том случае, если он включается в сетку интеракций. Иными словами, процедуры коммуникации в процессе решения утилитарных проблем вовсе не служат задачам совместного обсуждения и разработки социальных норм.

У К. Маркса, согласно взглядам Ю. Хабермаса, уже предпринималась попытка рассмотрения интеракционной проблематики: в диалектике производительных сил и производственных отношений он неосознанно вскрыл связь интеракции и труда. Однако основоположник марксистской философии абсолютизировал инструментальную деятельность, которая стала в классическом марксизме универсальной «парадигмой создания всех категорий». «Тщательный анализ первой части «Немецкой идеологии», – констатирует философ, – показывает, что Маркс выразил не собственно связь труда и интеракции, а под несоответствующим названием „общественная практика“ свел одно к другому, т. е. коммуникативные действия к инструментальным» [Ibid. S. 45].

В этом контексте автор обвиняет своего идейного оппонента в попытке «...реорганизовать коммуникативную связь интеракции по образцу технически прогрессирующих систем целерациональных действий» [Ibid. S. 46]. Речь, в данном случае, идет о подмене собственно человеческого взаимодействия – технократическим, многообразия социально-политического развития – бюрократическим администрированием, выстраиваемым по образцу инструменталистской рациональности.

В силу этих обстоятельств для Ю. Хабермаса принципиально важным становится положение о несводимости интеракции к труду или выведении труда из интеракции. Мыслитель настаивает на необходимости различения двух сфер «организации труда» и социальных отношений: в первом случае «организация рода» проявляется как процесс производства, переход от одной его ступени к другой; во втором – она осуществляется в сфере социальных отношений как процесс самоосвобождения. И в труде, и в интеракции, как пишет автор, «каждая новая ступень развития характеризуется освобождением от принуждения: в одном случае, от внешнего принуждения природы, в другом – от репрессии внутренней природы» [4, S. 76].

Сфера интеракции является ведущим направлением социального прогресса, который,

в свою очередь, «...характеризуется не новым типом технологии, а ступенями рефлексии, с помощью которых уничтожается догматика преодоления форм господства и идеологий, совершенствуется сила институциональных рамок и освобождается коммуникативная деятельность как коммуникативная <...> Цель этого достижения, – как считает Ю. Хабермас, – организация общества исключительно на основе дискуссии» [Ibid, S. 76]. Обозначенная цель достигается в процессе интеракции, объединяющей индивидов в свободную от господства коммуникацию, а не путем трудовой деятельности, базирующейся на развитии производительных сил. Названные выше плоскости социального бытия не совпадают, хотя между ними – «обоими двигателями общественного развития, между технико-организаторским прогрессом, с одной стороны, и классовой борьбой – с другой» – существует определенная взаимозависимость [см.: 5, S. 32].

Ю. Хабермас, осуществляя анализ целостности социальной эволюции посредством диалектики общего и особенного в коммуникативной и инструментальной сферах, раскрывает методологическое значение категорий «*труд*» и «*интеракция*». «В кругу инструментальных действий, – пишет он, – нам встречаются предметы типа подвижных тел; здесь мы познаем вещи, события, состояния, с которыми в принципе можно манипулировать, в интеракции (или на уровне интересубъективности) возможного взаимопонимания нам встречаются предметы типа говорящих или действующих субъектов; здесь мы познаем людей, высказывания и состояния, структурированные и понимаемые чисто символически» [1, s. 15].

Нам представляется, что методологический шаг по расчленению общества на общественную систему и жизненный мир, на сферы целерациональных и коммуникативных действий был необходим Ю. Хабермасу для внесения корректив в саму постановку проблемы рациональности. Если следовать логике М. Вебера, обосновавшего саму эту идею, то понятие «рациональности» должно употребляться по отношению к тем сферам общественной жизни, которые подчиняются

«масштабу» целерациональных действий. Однако Ю. Хабермас считает, что данное понятие нуждается в существенной корректировке, поскольку и жизненный мир современного человека постоянно подвергается «структурной колонизации».

Инструментальные действия, согласно взглядам Ю. Хабермаса, могут рассматриваться в двух основных аспектах: тактическом – это эмпирическая деятельность техническими средствами и стратегическом – посредством выбора подходящих средств. Коммуникативные действия, в свою очередь, также могут рационализироваться в нескольких ключевых аспектах: нормативно-регулятивном контексте общения; личностном аспекте выбора оценок; морально-практическом аспекте. Рационализация здесь означает в первую очередь «устранение отношений насилия, незаметно вошедших в структуры коммуникации и препятствующих сознательному разрешению и консенсусному регулированию конфликтов» [5, S. 34].

Анализ свидетельствует, что Ю. Хабермас применяет к историческому процессу схему «двойной» рациональности. Получается, что рационализация традиционного жизненного мира выступает законной необходимостью. Вместе с тем рационализация мира посттрадиционного являет собой, по мысли автора, угрожающий процесс, ибо в него активно проникают системы хозяйствования и власти. В результате происходит своеобразная «колонизация» жизненного мира: из повседневной жизни вытесняются морально-практические элементы, усиливается бюрократизация, во все большей степени дает о себе знать культурное обезличение.

Ю. Хабермас критически относится и к Марксовой идее экономического детерминизма. Согласно взглядам философа, необходимо искать более фундаментальное основание, способное объяснить социальную эволюцию как изменение социальной интеграции и ее институционального ядра. Универсальный принцип, дающий подобного рода объяснения, Ю. Хабермас именует «общественным принципом организации»; эволюция различных «общественных принципов органи-

зации» трактуется им в обобщенном ключе как эволюция социальная. «Общественные формации, – пишет мыслитель, – я хотел бы различать по их организационным принципам» [5, S. 136]. Названные принципы представляют собой абстрактные определения социальной структуры, демонстрирующие, что «...внутри каких структур возможны изменения системы институтов; в каком объеме могут использоваться имеющиеся производительные силы, т. е. стимулироваться развитие новых производительных сил; а также как могут повышаться успехи управления» [Ibid, S. 136]. Именно организационные принципы определяют границы возможных социальных изменений, не нарушая при этом «тождества общественной системы». Именно они устанавливают, «...какая частичная система в обществе может взять на себя функциональный примат, т. е. руководство социальной эволюцией» [2, S. 30].

Соответственно принципам организации Ю. Хабермас выделяет ряд общественно-экономических формаций: псевдовысококультурную; традиционную; капиталистическую; посткапиталистическую. В псевдовысококультурной (или первичной) общественной формации вся система социального общения задается системой родства, семейными структурами. Именно поэтому первый организационный принцип можно определить как *принцип родства*. Тогда как организационным принципом традиционной общественной формации является *принцип господства*.

Возникновение государства приводит к выделению центра управления; производство и распределение общественного богатства уже не осуществляется семейной организацией, а определяется отношением к средствам производства. Формы родства не является более институциональным ядром всей системы: центральные функции управления теперь переходят к государству. Производственные отношения приобретают политическую форму, а содержащаяся в классовых отношениях противоположность экономических интересов включает в себе потенциальную возможность конфликта. Следует подчеркнуть, что в рамках легитимного государства такая противополо-

жность интересов вполне может оставаться латентной благодаря наличию инструментария идеологии.

Организационным принципом капиталистической общественной формации выступает отношение наемного труда и капитала. Здесь от государства отделяется вполне независимая сфера общения частных владельцев товаров; товарный рынок институционализируется, создается мировая торговля. Из сферы политико-экономического бытия выделяется институт гражданского общества, ведущий к деполитизации классовых отношений и анонимизации классового господства. Новый организационный принцип общественной жизни открывает широкие возможности для развития производительных сил и нормативных структур. Саморегулируемое рыночное общение уступает здесь место рациональному государственному управлению; в сфере общественного труда устанавливаются абстрактное право и утилитарная мораль. Организационным принципом данного периода становится «*принцип общества*», предполагающий отказ от установки на господство, связанного с идеей иерархичности.

Как видим, государственно-управляемый капитализм напрямую связан с процессами концентрации предприятий, организацией рынка товаров, капитала и труда. С другой стороны, при нем существенно усиливается «вмешательство» государства во все «функциональные бреши» рынка. В контексте функционального бессилия механизма рынка в условиях современной постиндустриальной цивилизации возникает сильная потребность в легитимации. «Государственный аппарат, – пишет Ю. Хабермас, – который не может более обеспечивать лишь предпосылки существования процесса производства, а инициативно включается в него, должен узакониваться в возросших сферах государственного вмешательства, не упуская возможности вернуться к традиционным состояниям, используемым и подорванным в конкурентном капитализме» [5, S. 308].

Это необходимо, в частности, для того, чтобы удержать вероятностный конфликт в латентном состоянии. «В наше время, – про-

должает философ, – начиная со Второй мировой войны, в самых прогрессивных капиталистических странах удастся удерживать вполне классовый конфликт в латентном, по сути своей, состоянии; конъюнктурный цикл продлевается во времени и периодические скачки обесценивания капитала превращаются в инфляционный длительный кризис с мягкими конъюнктурными колебаниями; наконец, дисфункциональные побочные явления экономического кризиса фильтруются и рассеиваются в квазигруппах (потребители, ученики и их родители, пассажиры, больные, старики и пр.) или в частных группах с малой организационной градацией» [Ibid, S. 310]. Все это ведет к тому, что тождество традиционных классов распадается, а классовое сознание фрагментируется.

Рассматриваемый автор специально акцентирует две трудности, которые обусловлены включением государства в «функциональные бреши рынка»: *кризис рациональности*, когда административной системе не под силу выполнить императивы управления, принятые ею от экономической системы; это обстоятельство приводит к дезорганизации общественной жизни; и *кризис легитимации*, связанный с невозможностью поддерживать «требуемый уровень лояльности масс». Имея в виду два вышеуказанных кризиса, философ фактически вступает в скрытую полемику с широко распространенной теорией «перегруженного государства», в рамках которой панацеей чуть ли не от всех бед и, в частности, от кризиса легитимации объявляется необходимость освобождения государства современного типа от социальных программ. И дело здесь вовсе не в том, что государство берет на себя слишком много, а в том, что этот объективно необходимый процесс нуждается в соответствующих технологиях и обосновании.

Государственный аппарат, отмечает Ю. Хабермас, сталкивается с двумя задачами: с одной стороны, он должен контролировать получение прибылей и доходов и так рационально их использовать, чтобы можно было избежать кризисных нарушений роста; с другой – селективное введение управления и сами административные шаги должны

быть организованы таким образом, чтобы можно было удовлетворить потребность в легитимации. «Если государство отказывается во внимании одной задаче, – заключает философ, – возникает дефицит в административной рациональности; если оно отказывается во внимании другой задаче, возникает дефицит легитимации» [Ibid, S. 317].

На основании анализа можно заключить, что истоком кризиса легитимации является существенный дисбаланс мотиваций, трактуемый Ю. Хабермасом как «разногласие между потребностью в мотивах, с одной стороны, и предложением мотива со стороны социокультурной системы – с другой» [Ibid, S. 321]. Кризис системы мотиваций философ воспринимает как несоответствие между мотивами и потребностями индивида и их возможной компенсацией. Все это напрямую связано как с недостатком потребительной стоимости для удовлетворения данных потребностей, так и с отсутствием у государства возможностей для их планомерного распределения. «Основное противоречие, – в этой связи, – состоит в недоверии к административным действиям» – констатирует философ [2, S. 48]. Если раньше механизмом социальной компенсации выступал рынок, то в настоящее время «на место рыночного успеха встает успех профессиональный».

Именно поэтому задача заключается в улучшении самой системы управления, в своевременном купировании опасностей, грозящих нормальному функционированию общества, в осознании жизненно важных потребностей и предупреждении их столкновения с институционально установленными нормами общества. Выделение административно-политической сферы в качестве определяющей области общественного развития с неизбежностью приводит к смещению зоны конфликтов. Отказ от социального конструктивизма, имеющий следствием провозглашение приоритета кропотливой социальной инженерии, становится возможным, поскольку «государственно регулируемый капитализм, возникший как реакция на угрозу системе, появившейся в результате открытого классового антагонизма, сглаживает классовые конфликты. Система позднего

капитализма, – подчеркивает Ю. Хабермас, – определена политикой вознаграждения и избежания конфликта, гарантирующей лояльность трудящихся масс настолько, что конфликтом, возникающим, как и в прежней структуре общества, с частнокапиталистическим обращением капитала, является такой конфликт, который с относительно большой вероятностью останется скрытым. Он отступает за другие конфликты, которые тоже определены способом производства...» [3, S. 85].

Обобщая изложенное выше, отметим, что предпринятая Ю. Хабермасом попытка расширить исследовательскую призму анализа проблематики власти и доминирования в современную эпоху за счет включения широкого тематического пласта человеческой комму-

никации, осмысления ее роли в социальной эволюции – актуальный опыт дать ответ на вызов времени. Сохранение социальной стабильности и выработка эффективных процедур достижения общественного консенсуса, сопряженных с обеспечением суверенности непосредственного демократического волеизъявления и необходимой профессионализации административных структур, – все это весьма непростые вопросы, которые должны разрешаться демократическими методами в обстановке общественного диалога. Последний приобретает в современных условиях особую значимость, поскольку сохраняет изначальный смысл волеизъявления граждан, оберегает его от властно-подавляющего искажения механизмов социальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Habermas J.* Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien. – Neuwied-Berlin, 1963. 378 S.
2. *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spatkapitalismus. Frankfurt: Suhrkamp, 1973.
3. *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Fr. a/M., 1974.
4. *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Fr. a/M., 1975.
5. *Habermas J.* Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Fr.a/M.: Suhrkamp, 1976. 345 S.
6. *Habermas J., Luhmann N.* Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – was leistet die Systemforschung? Fr. a/M., 1971.